

или что «наша матушка, Русь православная» могла бы «провалиться в тар-тарары и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы» (Т., IX, 77). Суждения Потугина являются упрощенной интерпретацией идей Белинского и их вульгаризацией. В частности, они очень близки к взглядам А. П. Милюкова, книга которого («Очерк истории русской поэзии») являлась наиболее характерным примером той вульгаризации, которой подвергались идеи Белинского либеральными западниками¹⁵.

Заставляя Потугина именно так расценивать русскую народную поэзию и так полемизировать со славянофилами, Тургенев и на этот раз обнаружил свою художественную чуткость и наблюдательность. Действительно, позиция Потугина в данном случае весьма типична для той части либерального западничества, одним из представителей которого был и А. Милюков. Но, вкладывая в уста Потугина формулировки Белинского и как бы отождествляя их, Тургенев совершил крупную ошибку. Видимо, в эти годы он уже и сам неправильно представлял себе общий смысл воззрений Белинского на народное творчество, хотя и отзывался о них, как мы уже говорили, с исключительной похвалой. Но «Воспоминание о Белинском», в котором находится эта похвала, написано уже с позиций позднего Тургенева, т. е. с позиций либерала-постепеновца. Борьба со славянофильством, которую вел в конце 60-х годов Тургенев и которая нашла отражение в речах Потугина, и борьба со славянофильством, которую вел Белинский, исходили из различных источников и не совпадали в конечных целях. Это определяет то глубокое различие, какое существует между внешне сходными воззрениями Белинского и Потугина. Уже Г. В. Плеханов четко (хотя, к сожалению, очень бегло) указал на революционную направленность статей Белинского о народной поэзии¹⁶. Проблему народной культуры Белинский решал с позиций революционно-демократических. Как уже нам приходилось писать ранее, основной задачей Белинского, равно как и Герцена, являлось истолкование с революционных позиций сущности русской народной поэзии и отразившегося в ней русского народного характера¹⁷. В период создания «Дыма» и «Воспоминания о Белинском» эти идеи были уже абсолютно чужды и даже враждебны Тургеневу.

Но в жизни Тургенева был период, когда он гораздо ближе стоял к кругу Белинского и Герцена и разделял их концепцию народного творчества, в свете которой рассматривал он и вопросы народной жизни и народного характера. Это был тот период, когда Тургенев теснейшим образом входил в круг «Современника», под непосредственным товарищеским воздействием которого был создан им цикл «Записок охотника». Хронологически этот период охватывает конец 1840-х годов и доходит примерно до середины 1850-х. Еще в 1855 г., в одном из споров с Аксаковыми и Хомяковым (очевидно, по вопросу о религиозном характере русского народа), он заявлял, что письмо Белинского к Гоголю составляет всю его религию¹⁸. В июне-июле 1847 г. Тургенев находился вместе с Белинским в Зальцбрунне и затем в Париже и был одним из первых слушателей и читателей его письма к Гоголю. Именно тогда — как это уже было отмечено исследователями — «под непосредственным воздействием общения с Белинским Тургенев отказывается от политически почти нейтральной бытописи первых очерков «Записок охотника» и создает самые резкие из антикрепостнических новелл этого цикла:

¹⁵ А. П. Милюков, Очерк истории русской поэзии, СПб., 1847; 2-е изд. — СПб., 1858.

¹⁶ Г. В. Плеханов, Полное собр. соч., т. XXIII, стр. 183—189.

¹⁷ См. нашу статью «Русская песня в концепциях русских революционных просветителей 40-х годов», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1950, № 6, стр. 455—475.

¹⁸ «Дневник В. С. Аксакова», СПб., 1913, стр. 42.